

Вера ХАРЧЕНКО

О ДОКУМЕНТАХ ОКТАБРЯ—НОЯБРЯ 1917-го, И НЕ ТОЛЬКО О НИХ

Почти двадцать лет назад, 10 апреля 1998 года в Москве в Государственном архиве я вчитывалась в изданные в трех томах документы и материалы Петроградского военно-революционного комитета, относящиеся к осени 1917 года. Вряд ли кто-нибудь, помимо, конечно, историков, и поныне заглядывал в эту подборку. Согласимся, профессионального историка не могут не заинтересовать такие, например, выдержки: *Из уезда сообщают, что крестьяне берут земли у помещиков путем захвата. Бывают случаи, что крестьяне, не желающие принять участие в аграрных беспорядках, привлекаются насильно, ибо в случае отказа каждый из них подвергается штрафу в размере 5 рублей* (Отчет о деятельности комиссара города Гомеля А. Жилина). А. Шахматов: *Обращаюсь к Вам с усердной просьбой добиться отмены этой реквизиции* (дома Е. И. Чертковой), *которая пожертвовала Академии Наук свою драгоценную библиотеку*. Бонч-Бруевич отменил реквизицию.

Итак, в канун столетия известных событий мне, филологу, захотелось поделиться некогда зафиксированным (фрагменты документов я конспектировала), а теперь переосмысляемым уникальным и весьма выразительным материалом. Не сво-

Вера Константиновна Харченко родилась в Калинин (Тверь), окончила Новосибирский педагогический институт и аспирантуру при кафедре русского языка Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена, доктор филологических наук, профессор, заведует кафедрой филологии Белгородского национального исследовательского университета. Автор более 500 научных работ и пяти поэтических сборников. За двухтомный «Словарь богатств русского языка» в 2004 году удостоена медали ВВЦ (ВДНХ). В журнале «Знамя» в 2006 году опубликовала статью «Русский язык: бедность или богатство?». Живет в Белгороде.

дить же лингвистику революции к реформе орфографии, хотя и здесь есть о чем говорить. На конференциях гуманитарного профиля все чаще артикулируется проблема потерь, вызванных этой реформой. В частности, прозвучало это 20 апреля 2017 года и у нас в Белгороде при проведении форума под эгидой журнала «Литература в школе». О нет, речь не идет о возврате к старому, но сохранить **умение и желание читать книги в старой орфографии** дорогого стоит. Академик Р. М. Фрумкина писала, что в школе их выучивали так, что у них не было страха перед книгой, какого бы объема и какой трудности она ни была. Писательница Мариэтта Шагинян «свободно общалась» с книгами на немецком, английском, французском языках. Рискнет ли современный писатель вставить в свой текст большой абзац на английском языке по примеру Льва Толстого, включавшего в повествование большие куски на французском языке? А ведь английский язык мы будто бы и учили, и знаем! Так пусть не будет страха хотя бы перед ятями и ерами, да не убоимся мы той, старой орфографии, мы, не только филологи, но и школяры, и студенты, и взрослые любители из когорты пока еще читающих.

В тех документах сборника, лежащих передо мной, ятей и еров с ерями уже не было, документы были отпечатаны в новой орфографии, но и в таком виде они завораживают. Попробуем рассмотреть их попристальнее, с высоты птичьего полета высотой в 100 лет. Но сначала выскажем еще одно небольшое предварение.

Официально-деловой стиль у нас не только не в почете, он скорее пребывает **на задворках великой империи стилей**. За годы работы мне довелось писать отзывы примерно на 130 диссертаций (не считая отзывов на авторефераты), но только одна докторская диссертация С. П. Кушнерука (Волгоград, 2008) была посвящена официально-деловому стилю, так называемой **документной лингвистике**. А ведь в октябре—ноябре 1917 года история этого стиля пережила явный кризис, о чем обычно умалчивается. Почему у нашей статьи может быть и иной, несколько эпатажный заголовок: «Официально-деловой стиль как зеркало русской революции».

Комиссар пересыльной тюрьмы А. Белов: Довожу до сведения бюро комиссаров, что, будучи поставлен с первого сего месяца, сего года в Петроградскую пересыльную тюрьму, я главным образом обратил свое внимание на то, что является корнем этого дела, а главным образом, **состоянием культурного процветания тюрьмы:**

- ускорение дела подсудимых заключенных;
- облегчение участи **нравственно и в смысле питания** осужденных;
- упрочение и усиление выборной организации тюремных служащих.

Довожу, что чины штаба пока что работают хорошо: вначале, т. е. числа 27—28 октября, замечались **попытки к саботажу и вялости**. Постепенно работа налаживается. Комиссар штаба Токарев.

Обратились в военно-революционный комитет. Там ответили, **что комиссара «дадут»**, но посоветовали при этом избрать комиссара своего.

...Мною организовано **правильное** дежурство на обоих телеграфах... (Комиссар почт-телеграфов Выборгской стороны).

Мы просим проверить наш завод и выгнать **этих смутьянов, потому что они буржуи, домовладельцы**.

С первых дней второй, Октябрьской революции Егерский полк занял определенную позицию беспощадной борьбы **за Совет** (Комиссар гвардии Егерского резервного полка младший унтер-офицер В. Яздовский).

Сколько в полку лошадей **на лицо** и сколько должно по комплекту состоять — 200 и 200.

Что интересно? Во-первых, ломка стиля шла **по всей амплитуде параметров:** лексика, грамматика, фразеология, синтаксис. Документы составлялись, точнее сказать — сочинялись людьми, формально грамотными, однако не то что далекими от канонов официоза, но принципиально не желающими этим канонам следовать. Отсюда интонация непринужденности, непосредственности, сочетание разговорных элементов с отглагольными существительными, краткими причастиями, использование метафор и сравнений «революционной направленности».

Донесение: **Приступлено** к уничтожению 6000 ведер пива. Люди работающие перепиваются, но пиво уничтожено наполовину и продолжает уничтожаться спусканием в реку.

Желателен объезд городов и гарнизонов с докладами о деятельности ЦИК и ВРК. На мой взгляд, это крайне нужно. Местные работники не могут произвести должного впечатления **ввиду их малой талантливости**, с одной стороны, **и привычки к ним** — с другой.

...И вот из достоверных источников нам известно, что нужно конфисковать землю и инвентарь, как живой, так и мертвый. Но я прошу делегировать ораторов **для объяснения деревенскому люду, как это все сделать.** Земли, которые запаханы помещиками, тоже конфисковать, **озимый хлеб тоже конфисковать?** ...Прошу написать мне ответ **в широком объеме**, все подробно (А. Ф. Потепко. Херсонская губерния).

У нас нет револьверов — **и это подвергает опасности** членов Егерского революционного комитета, работающих в районе, **кишащем черными силами, погромщиками и грабителями.**

В настоящее время в батальоне обстоит **все на революционном порядке, как офицеры, так и солдаты.** Но только за исключением подпоручика Каблукова... И я, как комиссар, могу подтвердить, **что он солдатам неоднократно делал замечания большевикам.** Прошу дать распоряжение, как поступить **удобнее** (комиссар Доильницын).

Люди, которые усугубляют хозяйственную разруху и подрывают продовольствие армии и страны, **являются отверженцами и не имеют права на пощаду. Они объявляются под общественным бойкотом** (Воззвание об объявлении общественного бойкота чиновникам, саботирующим работу в государственных и общественных учреждениях. 24 ноября 1917 г.).

Сим имею честь довести до сведения Военно-революционного комитета о том, что, несмотря на всякие просьбы и объявления Военно-революционного комитета с просьбой содействовать прекращению спекуляции и мародерства, мало кто откликнулся, и спекулянты, и мародеры спокойно **продолжают свое гнусное дело.**

...Он оказался не как народный комиссар, а **как контрреволюционер и посланный сброшенным как собака с поста Керенским** (Письмо агитатора В. Капрова из Ярославской губернии 25 ноября 1917 г.)

Мы, солдаты, **оставшиеся от полка остатки, выносим вам свое доверие и вместе с тем просим Военно-революционный комитет нам помочь в наших бессилиях** (Солдат 174-го полка Сергей Карасев).

...И для того, чтобы они **не совали палки в колеса народной русской колесницы**, я подал телеграмму в Тверь...

Во-вторых, материалы документов первых революционных месяцев являются прекрасными свидетельствами **для понимания и изучения языковой личности** в обобщенном ее представлении. В лингвистике сейчас это весьма модное направление, постепенно сменяющее бум исследования концептов. Языковую личность изучают в основном по текстам писателей и поэтов. Если судить по названиям кандидатских

диссертаций 2014—2015 годов, то это Арсений Тарковский, Сергей Довлатов, Виктор Астафьев. Но ведь наряду с изучением ярких языковых личностей немаловажное значение может иметь и исследование языковых личностей типовых, а это возможно при обращении к языку документов эпохи, в частности документов революции 1917 года. Это та самая личность, про которую в «Капитанской дочке» писал А. С. Пушкин, когда называл русский бунт бессмысленным и беспощадным. Именно эти документы, контексты, фрагменты из официальных бумаг высвечивают еще рельефнее, нежели художественные тексты, **моральное лицо автора**, и потому несут воспитывающий эффект, правда, воспитывающий альтернативно, что называется, от противного.

Документ № 924 представляет собой «*Обращение к рабочим и солдатам Петрограда с призывом к демонстрации под лозунгами борьбы с врагами народа*». Из одиннадцати лозунгов пять начинаются с призыва «Долой!». Но это соотношение не вполне корректно, коль скоро в двух лозунгах «долой» распространяется на представителей далеко не одной группы.

1) Долой кадетов, корниловцев, калединцев — врагов народа! 2) Долой буржуазию! Да здравствует народ! 3) Да здравствует власть Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов! 4) Земли народу! Дома народу! Банки народу! Фабрики и заводы народу! Власть народу! 5) Да здравствует перемирие! Да здравствует честный мир народов! 6) Долой гнет капиталов! 7) Да здравствует социализм! 8) Долой соглашателей социал-революционеров и меньшевиков — лакеев буржуазии! 9) Долой кадетов из Учредительного собрания! 10) Да здравствует согласованная деятельность Учредительного собрания и Советов! 11) Да здравствует Совет Народных Комиссаров!

Итак, моральное лицо составителей текста... Здесь мы сталкиваемся с таким аспектом социолингвистики, который до сих пор оставался в тени — с исторической социолингвистикой, когда авторы документов «проговариваются», обнажая и уровень культуры, и очарование собственной властью, и желание вписаться в неясный пока еще поведенческий кодекс.

В свободное от наряда время товарищи егери с жадностью читают газеты, чутко прислушиваясь ко всему, что происходит, уделяют исключительное внимание Смольному, каждой весточке оттуда радуются, **как дети**, ждут светлых дней, благоговеют перед одним именем Революции и **слепо верят нашим революционным вождям...** все дружно стоят за наши родные лозунги.

Предложение тов. Ленина: передать Министерство внутренних дел Военно-революционному комитету, создать **маленькое** бюро для управления министерством... была получена **бумажка**, в которой говорится... Значит, с первого дня **была поставлена рогатка** в моей деятельности. Газета издается на собранные среди солдат гроши, которые, **между прочим**, подходят к концу... И мною приняты **предупредительные на всякий случай** меры... Не останавливаясь **перед рассаждением** разврата, пьянства... Но ввиду того, что в конском запасе лошади **буквально дохнут с голоду...** Мне вместе с комиссаром тов. Зайцевым и вместе с нашим революционным комитетом **выпало счастье организовать в полку восстание... Товарищи-граждане**, нам известно, что (совершился) переход власти в руки рабочих, солдат и крестьян. Тов. Держинский утверждает, чтобы **в целях избежания бюрократической переписки оставить это заявление без ответа** (из протокола).

В-третьих, напрашивается вопрос: далеко ли мы ушли и куда мы идем от уровня официальной документации первых месяцев революции 1917 года, как бы мы стыд-

ливо ни переименовывали ее в октябрьский переворот? Увы и ах, это движение можно назвать движением от непринужденности к... невразумительности.

Когда выступаешь с такой узкой темой, то до тебя доходят флюиды, эманации зала: *а зачем это, в чем актуальность?* Вряд ли это повторится, и какой такой урок из всего этого можно вывести для сегодняшнего нашего интернет-продвинутого существования? А здесь можно вывести, как минимум, три урока. Первый касается **недопущения разговорщины**, а ведь разговорные элементы сейчас проникают далеко не только в СМИ. О нет, в самих документах разговорных элементов не наблюдается, но когда выступают официальные лица, то выступающим лучше воздерживаться от подыгрывания электорату за счет не самых приличных слов и шуток. Что же касается документа, то, да, документ надо писать не так, как мы говорим. Но как? Так что второй урок — это **работа над грамматикой документа**. 24 марта 2017 года мы принимали на совете университета очередное постановление. Представим из него лишь два небольших отрывка:

Проректорам по направлениям деятельности разработать систему мер по усилению контроля установления связей между индикаторами реализации мероприятий блоков «Научно-исследовательская деятельность», «Международная деятельность» дорожных карт по реализации программ развития образовательных структурных подразделений и мероприятиями в планах их работы на 2017–2018 учебный год.

Обеспечить своевременное заполнение журналов академических групп, ведение журнала использования оборудования в информационной системе мониторинга использования оборудования (ИСМИО) в соответствии с установленными требованиями и актуализацию информации об институте/факультете на официальном сайте...

Что мы видим? Парад родительных падежей. Отдаленность зависимых слов от главного. Пока дочитываешь предложение до конца (если, конечно, дочитываешь!), забываешь его начало. Но документ-то должен быть читаем и теми, кто совсем не хочет его читать. Культура — это многообразие, причем не только многообразие одежды, интонаций, движений, а в письменных текстах — многообразие далеко не только лексики. Грамматики тоже. На это хорошо нацеливает М. Н. Эпштейн в статье о пластике философского текста — статье с выразительным подзаголовком: «Почему одни авторы читаемы, а другие нет».

Наконец, третий урок — это **уважение к здравому смыслу**. Мы катастрофически теряем зрение, и мы всегда очень заняты. А инструкции написаны так мелко и так подробно, что вызывают отторжение, точнее, не вызывают желания в них вчитываться. Если про теракт, то ведь достаточно крупно написанных букв с рисунками и двумя предупреждениями: НЕ ТРОГАЙТЕ! СООБЩИТЕ! Один из специалистов по технике безопасности сетовал: в кабине пилота чашку с кофе поставить некуда, а тут еще инструкции...

Что же мешает реализации, воплощению этих трех обозначенных уроков делового стиля? На этот вопрос мы найдем ответ, если сопоставим деловой стиль (или как сейчас принято говорить красиво: *дискурс*) с художественным стилем, или дискурсом. Начиная со школьной скамьи, если не ранее, своими превосходными текстами нас воспитывают звезды художественного слова: Пушкин и Лермонтов, Гоголь и Тургенев... (Насколько велика эта когорта, доказывать не приходится!) Вместе с тем отечественная культура накопила, пусть не так много, но тоже весьма ярких авторов деловых документов, однако почему-то мы не учимся у этих выдающихся людей, не анализируем их тексты.

Князя А. М. Горчакова, выпускника пушкинского лицея, блестяще образованного дипломата, Ф. Тютчев называл поэтом чернильницы, и ведь было за что — столько внимания уделял князь подготовке циркуляров.

Из инструкции Горчакова послу во Франции Н. А. Орлову. Декабрь 1871 г.

Мы желаем использовать эти добрые отношения, не провоцируя их. Речь идет лишь об использовании этих отношений справедливым образом, отвечая на них сердечной взаимностью, но не допуская чрезмерной близости и доверчивости с правительством, которое еще не завоевало право на них, — не поддерживая ни под каким предлогом стремления, которые не могли бы войти в наши расчеты и которые мы расцениваем как опасные для самой Франции.

...Остерегаясь излишнего усердия, которое могло бы поставить под угрозу нашу политику, и, особенно, любых обязательств, которые имели бы целью создание общности интересов, на которые мы не могли бы пойти. <...> Таковы, князь, рамки которыми должна ограничиваться Ваша миссия. Она требует много такта и осторожности. Император свидетельствует Вам о своем высоком доверии, передавая его Вашим заботам.

А вот что пишет биограф А. М. Горчакова: «Горчаков-дипломат в своем деле оказался новатором. Он сумел доказать, насколько литературный язык Пушкина с успехом употребим в системе, казалось бы, незыблемо казенного общества. Стиль дипломатических документов, в составлении которых он принимал участие, обрел живые черты, оснастился разнообразием литературно-художественных средств и приемов. Горчаков стремился следовать классическим литературным канонам, добиваясь стилистической целостности, совершенства в таком официальном деле, как дипломатическая переписка. Это особенно очевидно, если сопоставить дипломатические документы прежнего времени с тем, что выходило из-под пера Горчакова. Похоже, он придавал значение каждому слову, каждой строчке, уделяя работе над текстом немало времени и таланта».

«Человек совершенного ума словами может добиться того, чего не сделает сотня храбрых воинов». Эту восточную мудрость приводил князь А. М. Горчаков, и когда вчитываешься в циркуляры, которые составлял этот человек, то начинаешь понимать, почему так ценил Горчакова Александр II, почему в течение одиннадцати лет в России было относительно спокойно. Горчаков не позволял втягивать страну в международные разборки, что давало возможность проводить значимые реформы **внутри страны**. Не в этих ли внутренних реформах и состоит главная миссия правительства?

Горчаков писал до тридцати документов в день, весьма тщательно их шлифуя. Считается, что именно поэтому этот человек не оставил ни дневников, ни воспоминаний, ни записок. Полная отдача себя документу, но 11 лет относительного благополучия страны?

Второй «персонаж» из наиболее ярких реализаторов официально-делового стиля — митрополит Макарий (Булгаков). Приведем фрагмент из отчета митрополита в Священный Синод, демонстрирующий пластику, прозрачность «официального» стиля:

Что касается внутреннего состояния монастырей Литовской епархии, то, к сожалению, не о всех монастырях можно дать одобрительный отзыв. До меня не раз доходили жалобы из некоторых монастырей, с одной стороны, на произвол некоторых настоятелей, а с другой — на беспорядки, допускаемые некоторыми из братий. Произвол настоятелей выражался наиболее всего в безотчетном и неведомом для братии распоряжении всем хозяйством монастырей и в неудовлетворительном, судя по монастырским средствам, содержании братии.

Работая над монографией, я отслеживала, как чередует падежи этот историограф церкви, причем не только в своем 12-томном труде по истории русской церкви, но и в сборнике документов, которые этот человек подготовил по каноническому праву, но не успел издать (издал их Константин Геннадьевич Капков, сумев перефотографировать материалы в киевском архиве в 2011 году). Я наблюдала, если можно так выразиться, **поэзию документа** у митрополита Макария. Одинаковые зачины. Удвоенные характеристики (чтобы запечатлелось!). Отсутствие лишних слов. И здравый смысл: если лучше не менять, то и не менять.

Согласимся, восхитительный порядок в делах придает им черты поэзии. В те годы не писали об искусстве управления, но такое искусство существовало, и митрополит Макарий, по-видимому, понимал, что составляет отнюдь не отписку, как сейчас говорят, для проформы, а полноценный документ, которым нужно будет руководствоваться, почему в этом документе выверено буквально каждое слово. Ни одна часть документа не похожа на другую. Каждая часть при этом обнаруживает свой синтаксический ритм, облегчающий чтение и восприятие, захватывающий основной блок требований, но, однако, не все требования, иначе это выглядело бы искусственно, если не сказать — карикатурно. Например, наряду с расхожим в настоящее время и слабо воздействующим словом «должен» митрополит Макарий прибегает к самым разнообразным конструктивным вариантам.

Это **констатация уже совершающегося действия**: *Смотрят, дабы во всех церквах монастырских была чистота и опрятность...; Хранят у себя ключи от ризницы...* Это **требование, выражаемое инфинитивом**: *Хранить монастырскую сумму как следует... В делах экономических помогать Экономам советами и споспешествовать самим Настоятелям...* Это **требование, выражаемое глаголом пассивного залога**: *Просящий о снятии Монашествовавшего сана увещевается в сохранении обета сперва через Настоятеля со старшею братией...* (с. 199).

Итак, где мы сейчас, в какой точке находимся? От стиля документов октября—ноября 1917 года мы, конечно же, ушли, но к уровню документов, подготовленных митрополитом Макарием и князем Горчаковым, вот до такого уровня еще предстоит идти и идти. И здесь следует хорошо осознавать механизмы развития языковой личности. Языковая личность в идеале должна выступать как проект. Проект — слово, весьма востребованное сейчас, как и другие обозначения: «дорожная карта», «компетентность», «практико-ориентированное обучение». Над «шершавым языком плаката», над неудачными лозунгами и двусмысленными приветствиями (*Привет освободителям Нарвы от немецких захватчиков!*) легко смеяться, но, может быть, миссия словесника-профессионала, будь то писатель, учитель, ученый, переводчик, редактор, как раз и состоит в том, чтобы через тексты, лекции, уроки, выступления помогать внутреннему движению человека к высотам языковой личности в ее свободном владении любым стилем — не только обиходно-разговорным.

Мы нуждаемся в хорошо составленных документах, но ведь и документы терпеливо и подолгу ждут нас. На процедуре открытия одной из конференций в апреле 2017 года директор Белгородского государственного архива П. Ю. Субботин посетовал: две трети хранящихся у них документов, в основном советского периода 60-х годов, еще никем ни разу не были запрошены. Мы ленивы и не любопытны? Да как сказать. Не раз приходилось слышать признание, что с возрастом все больше тянет к литературе *non fiction*: дневникам, запискам, письмам. Чтобы документов было больше, полезно приобрести одну привычку, о которой писал из концлагеря сыну Васе о. Павел Флоренский: «Сегодня получил твое письмо, но без числа. Когда я учился в гимназии, нас муштровали на каждой работе писать, когда и где она выполнена. Это было

очень полезным требованием, так как на всю жизнь научило точности в датировке. А письмо без даты — почти что ничего, ибо в письме сообщаются текущие события, и не знать, когда и где они произошли — это значит не координировать отдельных моментов в жизни, то есть ничего в ней не понимать» (14–15 августа 1935 г.). Дата на фотографии, на записке, в инскрипте подаренной книги, под записанным детским речением, над текстом творческой работы на порядок повышает ценность пусть единичного, случайного сколка национальной культуры. А само умение читать документы, например: фиксировать то, чего в них нет (значимое отсутствие)? А угроза несохранения документов, «живущих» в компьютере? А количество требований в документе, превышающее возможности их выполнения и нацеливающее или на приписки, или на игнорирование предписаний? Не сигнал ли это кризиса, но уже не 1917-го, а 2017 года? Обозначение профессии «документовед» появилось в 60-х годах прошлого века, однако новое время перед документоведами ставит серию новых задач на стыке истории, культуры, языка, задач, актуальных и для такой области изысканий, как лингвогосударствование.